

ГЕННАДИЙ ЛЕВИЦКИЙ

АЛЕКСАНДР
МАКЕДОНСКИЙ.
ГЕНИЙ ИЛИ КАПРИЗ
СУДЬБЫ?

Геннадий Левицкий

**Александр Македонский.
Гений или каприз судьбы?**

«Автор»

2017

Левицкий Г. М.

Александр Македонский. Гений или каприз судьбы? /
Г. М. Левицкий — «Автор», 2017

ISBN 978-5-222-17115-8

Личность Александра Македонского весьма притягательна и сегодня; впрочем, неиссякаемый интерес человечество будет испытывать к любому другому военачальнику, которому удастся завоевать хотя бы половину мира. К нему – более двух тысячелетий назад – прикрепилось определение Великий, он давно и прочно занял свою нишу среди самых выдающихся представителей человечества, его имя до сих пор традиционно считается синонимом гениальности. Но справедливо ли это? Его храбрость, бесстрашие не вызывают сомнений. Однако в то время, как героический царь македонян сражался как простой воин, битвами руководили совсем другие военачальники. Соответственно, судьбоносные победы большей частью принадлежали людям, которых не замечали поклонники Великого Александра. Их заслуги подробно описываются в исторических источниках, хотя вождь безжалостно уничтожил военачальников, приносивших ему победы, чтобы никто не смог разделить славу живого бога.

ISBN 978-5-222-17115-8

© Левицкий Г. М., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Предисловие	5
1. Филипп	10
2. Олимпиада и юные годы Александра	14
3. Горе побежденным	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Геннадий Михайлович Левицкий

Александр Македонский.

Гений или каприз судьбы?

*«Мы пишем не историю, а жизнеописание, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов»
(Плутарх. Александр)*

Предисловие

В начале II в. до н. э. при дворе царя Антиоха произошла встреча главных противников бесконечно долгой и жестокой 2-й Пунической войны. Сципион был в составе римского посольства, направленного в Сирию; Ганнибал скрывался там от мести римлян.

Между Сципионом и Ганнибалом произошел следующий разговор: «При этом на вопрос, какой полководец, по мнению Ганнибала, выше всех, тот ответил: Александр Македонский, потому что он с малым войском разбил несчетные вражеские полчища и достиг таких краев, какие никто даже не надеялся увидеть. На вопрос, кого же он считает вторым после Александра, он ответил: Пирра, потому что он первый научился правильно разбивать лагерь, лучше всех брал города и располагал охрану. На вопрос, кто же третий, он назвал самого себя. Сципион рассмеялся и спросил: «Что же ты сказал бы, если бы ты меня победил?» – а тот: «Тогда бы я считал себя выше и Александра, и Пирра, и всех» (Ливий).

Таким образом, даже в античные времена Александр Македонский считался лучшим военачальником из всех известных. И спустя более двух тысяч лет это мнение существенно не изменилось. Как же иначе?

Кто не знает блестящие победы македонян над персами при Гранике, Иссе и Гавгамелах? Могущественная персидская держава, которая складывалась столетиями, рухнула под ударами Александра в одночасье, как карточный домик. Еще был древний Египет, могущественный финикийский город Тир, столицы персидских царей: Вавилон, Сузы, Персеполь и Экбатаны. Все это завоевано как бы мимоходом — македонский лев устремляется дальше. Ему покоряются Бактрия и Согдиана, о существовании которых большинство македонян и понятия не имело. И вот он в Индии сражается со слонами царя Пора...

Однако еще древний историк Квинт Флавий Арриан (ок. 95 г. – 2-я пол. 2 в. н. э.) заметил, что «нет вообще человека, о котором писали бы больше и противоречивее». Это вполне естественно: за 13 лет перевернуть весь мир и умереть в возрасте 33 лет, когда честолюбивый римлянин только начинал карьеру — такое удивительно, труднообъяснимо. Все таинственное, непонятное обрастает легендами и делает образ Александра еще более туманным. Александр добился своей главной цели: он мечтал стать богом, и для многих он стал им.

Сомнения в гениальности Александра существовали и в древности, хотя ему поклоняются любители славы, подвигов и просто обыватели уже два тысячелетия. Однако источники, обличающие Александра, оказались утраченными — человечеству нужны герои, чтобы брать с них пример.

Любопытны в этом отношении две речи Плутарха «О судьбе и доблести Александра», где древнегреческий автор описывает риторический спор Александра с Судьбой. «... Такова

речь Судьбы, утверждающей, что ей, и только ей, обязан Александр своими деяниями», — с этих слов начинается произведение Плутарха. Вот только начало речи Плутарха безвозвратно потеряно, и мы можем лишь догадываться, в чем Судьба обвиняла Александра. До наших дней дошла лишь та часть, где Александр отвечает на нападки Судьбы. По сути дела, Плутарх не защитил своего любимого героя — Александра, а лишь посеял сомнения в его способностях военачальника.

Кто оправдывается, тот виноват! Не нуждается в оправданиях, человек, уверенный в своей правоте. В этом отношении показателен пример одного из лучших полководцев республиканского Рима — Луция Корнелия Суллы. Разбивший страшнейшего врага Рима — Митридата, вернувший родному городу прежние порядки, Сулла повелел именовать себя Счастливым («Феликс»). Он называл себя Любимцем Афродиты, просил помощи у Аполлона, когда в битве за Рим чаша весов фортуны колебалась; богам он приписывал свои величайшие победы, хотя имел на них все права.

Верил ли Сулла, что его рукой руководят боги. Едва ли... Когда ему понадобились деньги, Луций Сулла — любимец богов — приказал ограбить самые известные греческие храмы. Деяние неслыханное: когда его друг Кафис прибыл в Дельфы, чтобы принять каждую вещь по весу, то долго не мог прикоснуться к святыням, оплакивая свою участь. «И когда кто-то сказал ему, что слышал, как зазвучала находящаяся в храме кифара, Кафис, то ли поверив этому, то ли желая внушить Сулле страх перед божеством, написал ему об этом. Но Сулла насмешливо ответил, что удивляется Кафису: неужели тот не понимает, что пением выражают веселье, а не гнев, и велел своему посланцу быть смелее и принять вещи, которые бог отдает с радостью» (Плутарх).

Александр не желал делить свою славу ни с богами, ни с судьбой.

«Не порочь мою доблесть и не присваивай отнятую у меня славу, — возмущенный Александр отвечает Судьбе. — Красуйся и величайся перед царями, не проливавшими своей крови, не знавшими ран: вот кто тебе обязан своей благоуспешностью — Охи и Артаксерксы, которых ты от самого их рождения возвела на трон Кира. А мое тело носит много следов Судьбы не содействующей, а враждебной. Прежде всего, в Иллирии я получил удар камнем в голову и булавой в шею; потом при Гранике был ранен варварским кинжалом в голову, а под Иссом мечом в бедро; при осаде Газы мне в лодыжку попала стрела и на плечо свалилась тяжелая глыба; у маракандийцев вражеская стрела повредила мне берцовую кость; затем плечо, у гандридов — в ногу; у маллийцев стрела вонзилась мне в грудь и оставила в ране железный наколечник; там же мне нанесли удар булавой по шее, когда сломались лестницы, приставленные к стенам, и Судьба послала мне такую милость, как встреча в уединении не с какими-либо знаменитыми противниками, а с безвестными варварами; и если бы подоспевший Птолемей не прикрыл меня своим щитом, Лимней не пал за меня, сраженный тысячами стрел, и македоняне, воодушевившись, не обрушили стену, то эта глухая варварская деревня стала бы могилой Александра».

Когда мы подробнее познакомимся с военными подвигами Александра, то не перестанем удивляться, как он дожил до возраста Христа. Несмотря на многочисленные раны, огромное везение преследовало смелого македонского царя. Как будто высшие силы хранили его жизнь до поры до времени, чтобы преподать человечеству урок. Он не пошел впрок: периодически появлялось множество желающих овладеть всем миром. Но пока стоит мир, еще не поздно извлечь уроки из судьбы Александра, один из которых: нельзя достичь невозможного, но человек, увлеченный идеей и лишенный страха, может многое изменить в этом мире.

В отличие от Рима, черепашьими, но уверенными шагами растущего вширь, Александр молниеносно завоевал огромнейшие территории; вся предыдущая история не знала империй

таких масштабов. Вполне справедливо предположить, что основатель империи — человек необыкновенно талантливый в военном отношении и обладающий глубочайшим умом администратора. Однако чем ближе знакомишься с историческими фактами, тем больше убеждаешься, что создало это чудо безумие Александра; если быть более точным — его безумная храбрость, ежедневное желание сразиться с судьбой. Самый великий любитель русской рулетки вел за собой на победу и смерть македонян и представителей прочих народов личным примером. Оказывается, Александр был не во главе войска, вступающего в сражение, а впереди его (войском управляли совсем другие люди).

Фортуна часто предупреждала его ударами копья, стрелы, либо камня, что нельзя постоянно полагаться на удачу, но едва очередная рана македонского царя переставала кровоточить, он снова лез на стену какого-нибудь азиатского города впереди своих воинов. Ошеломленная богиня удачи позволила Александру многое, даже, больше, чем она обычно позволяет смелым людям...

Александр первым бросался в битву; он всегда там, где опаснее всего — его героизм не вызывает сомнений. Что ж, такое случалось часто: полководец лично ведет в бой собственную армию. Когда под Орхоменом неприятель рассеял и смял большую часть римского войска, Луций Сулла, «спрыгнув с коня и схватив знамя, кинулся навстречу врагам, пробиваясь сквозь толпу бегущих и крича: «Римляне, здесь, видно, найду я прекрасную смерть, а вы запомните, что на вопрос: «Где вы предали своего императора?» — вам придется отвечать: «При Орхомене». Слова эти заставили бегущих повернуть, и с правого крыла на помощь Сулле подошли две когорты, во главе которых он оттеснил врага» (Плутарх).

Не раздумывая, рисковал жизнью и Гай Юлий Цезарь, но более полно можно проследить аналогию поведения в бою Александра с Наполеоном. Оба страстно желали владеть миром и достигли в этом направлении определенных успехов.

Спустя две тысячи лет после смерти Александра Наполеон Бонапарт со знаменем в руках будет первым идти по Аркольскому мосту, простреливаемому со всех сторон пулями, ядрами, картечью. Маленький человек с большим честолюбием упрямо шел на лучшие австрийские части, защищавшие мост, не замечая, как падали вокруг него адъютанты и солдаты. До этого трижды австрийцы отбили атаки французов с огромными для них потерями. Новой неудачи Наполеон позволить себе не мог. Личная храбрость командующего сломала оборону австрийцев лучше любых пушек, она и далее будет вдохновлять французов на невероятные подвиги.

Наполеону и Александру нужны были только победы, — без них жизнь не имела смысла. И безразлично, какой ценой они будут добыты: кровью солдат или своей собственной. Победа или смерть — третьего не дано! Увы! Они желали обладать вселенной, а стали рабами собственного честолюбия.

И все же Наполеон бросался в битву, когда не было иного способа повлиять на ее исход; только в критических ситуациях ставили на карту собственную жизнь Цезарь и Сулла: «Или цезарь — или ничто!» В остальных случаях они руководят армиями, легионами..., мы ясно видим их стратегию и тактику. Александру же, безразлично, что происходит в битве за его спиной и вокруг него.

Героизм Александра очень похож на сумасшествие, но, надо отдать должное, благодаря ему македоняне и били всех противников. Как и почему это происходило? При близком знакомстве с античными источниками приходишь к выводу: кроме безумной храбрости у Александра ничего больше не было, что могло тронуть с места и вести к желанной цели македонскую фалангу. Мы знаем, что Александр одержал блестящую победу над персами при Гранике; но, оказывается, он лишь начал битву в крайне неблагоприятных условиях для собственного войска, а привели македонян к победе иные полководцы. Вторая гениальнейшая победа македонян у города Исса тоже не является большой заслугой Александра. Именно Парменион —

престарелый полководец Филиппа Македонского — уговорил царя занять заведомо выигрышную позицию и дожидаться, пока Дарий не попадет в ловушку со своей бесчисленной армией. Как отплатил Александр своим военачальникам за одержанные великие победы? Более жестокой награды едва ли кто получал...

Хотя Александра причисляли к полубогам, он довольно прост и предсказуем. Столь же проста схема большинства его битв: Александр бросается в едва начавшееся сражение и в одиночку пробивается к главному военачальнику неприятельского войска. Македонянам ничего не оставалось, как идти следом и спасти своего царя — так и побеждали. Почему они не бросали Александра на произвол судьбы, хотя он давно надоел македонянам своими бесконечными походами и битвами? Потому что зашли слишком далеко и не надеялись без царя добраться до родной Македонии; потому что верили: Александру покровительствуют боги, с ним удача, и случай работает на него.

Насколько не похож на Александра Ганнибал, который также в одиночку, вдали от родины вел долгую упорную борьбу с сильнейшим врагом — Римом; который скромно отвел себе третье место среди знаменитых полководцев. Ганнибал не бросался бездумно на вражеские мечи и копья, не подставлял голову под летящие с крепостных стен камни; он держал в своих руках все нити сражения и управлял им, словно марионеткой и побеждал... побеждал... Каждая его победа неповторима своей оригинальностью, масштабами, он изобретает новые тактические приемы, неслыханные доселе виды оружия. Его ведет на битвы не желание править миром, а ненависть к Риму, унизившему родной город после поражения в 1-й Пунической войне. Он не менее храбр и смел чем Александр, но в отличие от последнего не подставляет свое тело под случайный удар.

Александра на всем протяжении царствования сопровождают мятежи и заговоры, царь жестоко расправляется не только с врагами, но и с теми, кто мог составить конкуренцию в борьбе за славу, кто не желал оказывать должное почтение богочеловеку, кто не хотел идти в бесконечную кромешную неизвестность и отдавать жизни ради причуд Александра. Ганнибал во время своих бесконечных войн, как свидетельствует Полибий, «пользовался услугами весьма многих инородцев; между тем никто никогда не злоумышлял на него, ни разу не был он покинут людьми, участвовавшими в его предприятиях и предоставившими себя в его распоряжение». А ведь казалось, что наемников, составлявших основу войска Ганнибала, должны интересовать только деньги.

Когда Цезарь перешел Рубикон (то есть начал войну с собственным государством), ни один легионер его не покинул. Мы найдем много примеров, когда воины Гая Юлия сознательно рисковали и отдавали жизни ради него.

Когда Сулла высадился в Италии, он первым делом предупредил, что война будет чрезвычайно трудная, о добыче и жаловании придется забыть, потому что денег нет, а грабить сограждан он не позволит. В ответ, легионеры собрали собственные средства и вручили Сулле; и даже наемники принесли заработанные кровью деньги... Напротив, Александр щедр со своими солдатами, как ни один полководец в мире, а в ответ получал интриги и заговоры. Александру приходилось изобретать все новые и новые способы, чтобы вести за собой упирающееся, словно упрямый осел, войско.

Сулла победил всех врагов и провозгласил себя диктатором; он мог увенчать себя царской диадемой, если бы только захотел. Но грозный диктатор сложил с себя полномочия и стал частным лицом, как только посчитал, что государственное устройство закончено, и он не может быть полезным Риму на этой должности. Случай в истории небывалый!

Цезарь уничтожил римскую республику и фактически стал первым императором, но он не ставил перед собой задачу немедленного покорения всего известного мира.

Наполеон желал владеть всей планетой, но после Ватерлоо и он отказался от своей затеи. Он сдался в плен англичанам, хотя мог спастись бегством и продолжить борьбу. Великий император предпочел остров Святой Елены, потому что понял: людские ресурсы Франции полностью исчерпаны, она не может продолжать войну со всей Европой.

Александра в его алчном желании обладать всем могла остановить только одна вещь — собственная смерть. Он готов идти с македонянами, персами, с кем угодно до края мира. Если не найдется воинов, Александр шел бы один; с обнаженным мечом он, не раздумывая, бросился бы на ближайшую вражескую армию. Увлечшись детскими мечтами, он не мог трезво оценивать ситуацию, сопоставлять желания с возможностями.

«Властолюбие (у Александра, так же как у Дария) приводит к гордыне, такому поведению, которое нестерпимо для свободных граждан, в особенности для сподвижников царя, — пишет А. А. Вигасин в предисловии к «Истории Александра Македонского» Квинта Курция Руфа. — Александр предается приступам необузданного гнева, под влиянием которого творит страшные преступления против людей и богов и вынужден затем горько раскаиваться в содеянном. Вместо верных друзей и соратников его окружение составляют подлые льстецы, чернь, люди рабской души, преданные гордыне и жадности. Они замышляют измены и ждут лишь кончины царя, чтобы вступить в борьбу за его наследство. Бесконечные заговоры и казни сопровождают последние годы правления Александра именно потому, что он покушался на «общественную свободу», ведя себя, как восточный деспот.

Царю Александру сопутствует необыкновенное счастье, он часто ведет себя с безумной отвагой, со «счастливым безрассудством», даже вовсе вопреки здравому расчету, — и все же побеждает! Но это счастье обманчиво, ибо судьба переменчива, и в силу непонятного людям сцепления причин она так же легко сокрушает великие царства, как и создает их. Александр напрасно предается грубым суевериям, пытаясь у предсказателей узнать будущее. На самом деле спасительна лишь истинная мудрость, которая позволяет быть готовым к любым поворотам Фортуны».

Ход битв достаточно подробно освещен в многочисленных монографиях и источниках, но какова роль в них Александра, его влияние на исход сражений? Мы попытаемся понять, благодаря кому и чему Александр занял македонский трон, покорил необъятные просторы и победил многочисленных воинственных врагов. Каким образом Александр стал одной из самых известной персон в истории?

Мы знаем, что воспитателем Александра был знаменитый греческий философ Аристотель. Его отцом был гениальнейший полководец древности — Филипп. Но они ли оказали наибольшее влияние на становление Александра как личности?

Талант ли принес успех и славу молодому царю, либо нечто другое? Был ли вообще гениальным военачальником Александр? Прав ли Ганнибал, поставивший себя ниже Александра? Кто он: непогрешимый стратег, полубог или удачливый авантюрист, обласканный судьбой? Или безумец, возомнивший себя богом?

Кто бы он ни был, достаточно ясно: удача покровительствует храбрым, и никогда не будет вместе с трусом, как бы не были благородны его побуждения.

1. Филипп

«И тот и другой слишком любили вино, но в опьянении их пороки проявлялись по-разному. У отца было в обыкновении прямо с пира бросаться на врага, схватываться с ним, безрассудно подвергаться опасности; Александр же в опьянении свирепствовал не против врагов, но против своих приближенных. Поэтому Филипп часто покидал бой, получив раны сам, а Александр нередко покидал пир, убив друга»
(Юстин. Эпитама сочинения Помпея Трога)

Македония досталась Филиппу в плачевном состоянии: в стране, истощенной внутренними усобицами и войнами с внешними врагами, царили нищета, хаос и страх. «С разных сторон множество народов одновременно, точно составив какой-то заговор против Македонии, пошли на нее войной», — пишет об этом времени римский историк Юстин, который жил во 2–3 вв.

Новый царь на удивление быстро разобрался с врагами, действуя больше хитростью, чем оружием. «Так как Филипп не мог одновременно справиться со всеми, то он решил, что надо избавиться от них поодиночке: одних врагов он успокоил заключением с ними договора, от других откупился деньгами, а на более слабых напал и победой над ними ободрил своих павших духом воинов и заставил врагов изменить их презрительное отношение к нему. Прежде всего, он сразился с афинянами, победил их при помощи военной хитрости и, хотя мог убить их всех, но боясь навлечь на себя более грозную войну, отпустил их невредимыми и без выкупа. После этого Филипп перенес войну в Иллирию и истребил там многие тысячи врагов. Отсюда он внезапно напал на Фессалию, где ничуть не ожидали войны, причем напал не из жадности к добыче, а потому что страстно желал присоединить к своему войску мощную фессалийскую конницу;... и создал единое непобедимое войско из пехотных и конных полков» (Юстин).

Успехи воинственного Филиппа заставили ближайших соседей не только уважать его, но и стремиться связать себя с македонским домом родственными узами. Эпирскому (молосскому) царю Аррибе удалось устроить брак Филиппа со своей родственницей Олимпиадой. Счастливый Арриба, как сообщает Юстин, «рассчитывал, что благодаря свойству с Филиппом он увеличит свое государство, но этим самым Филиппом он был лишен своего собственного царства и состарился в изгнании». Самыми близкими родственниками и друзьями Филиппа были вовсе не люди, а собственная выгода — она и руководила его поступками.

Зоркий Филипп заметил, что ситуация, в которой находилась Македония в начале его правления, характерна для всей Греции. Некогда могущественный союз развалился на множество маленьких государств, находящихся в состоянии непрерывной войны с единокровными соседями. «Без удержу стремились они погубить друг друга и, только уже оказавшись под гнетом, поняли, что потери каждого в отдельности означали гибель для всех. Ибо македонский царь Филипп подстерегал их, как будто на дозорной башне, строил козни против их свободы, разжигая соперничество между государствами и приходя на помощь слабейшим; так он, в конце концов, поработил и побежденных, и победителей...» (Юстин).

После битвы при Херонее в 338 г. древняя, славившаяся своей культурой и воинскими успехами, Эллада превратилась в придаток еще недавно дикой и ничего из себя не представляющей Македонии. Очень интересно поведение Филиппа после судьбоносной битвы. Мудрый и коварный политик, — он бережно щадит чувства побежденных.

«Филипп весьма хитроумно затаил в душе радость по поводу этой победы. В этот день он даже не принес обычных в таких случаях жертв, не смеялся во время пира, не допустил во время трапезы никаких игр, не было ни венков, ни благовоний, и, насколько это зависело от

него, он держал себя после победы так, что никто не чувствовал в нем победителя. Не царем Греции он велел называть себя, а ее вождем» (Юстин).

Чрезвычайно одаренная личность — Филипп поспеивал везде и всюду. Хватало у него времени на любовь к женщинам... и не только к ним. Только жен у него было целых семь; кроме них, Филипп щедро дарил свою любовь флейтистке или танцовщице...

Еще об одной страсти македонского царя повествует Юстин:

«Александра, брата жены своей Олимпиады, красивого и чистого нравами юношу, Филипп вызвал в Македонию якобы по просьбе сестры. Всеми способами: то обещая юноше царскую корону, то притворяясь влюбленным, Филипп склонил юношу к преступной связи с ним. Филипп рассчитывал, что впоследствии Александр будет ему вполне покорным либо из чувства стыда, либо из чувства благодарности за (обещанное) благодеяние, — царскую власть».

Любимец Филиппа получил корону Эпира. Впрочем, Олимпиаду — самую властолюбивую из жен македонского царя — мало волновали шалости мужа с ее собственным братом. Гораздо больше хлопот доставляли связи Филиппа с женщинами; и главным образом тем, что от них периодически рождались дети.

Смерть Филиппа весьма таинственна, но, похоже, необузданная любвеобильность и свела его в могилу.

«Неприятности в царской семье, вызванные браками и любовными похождениями Филиппа, перешагнули за пределы женской половины его дома и стали влиять на положение дел в государстве; — делает вывод Плутарх, — это порождало многочисленные жалобы и жестокие раздоры, которые усугублялись тяжестью нрава ревнивой и скорой на гнев Олимпиады, постоянно восстанавливавшей Александра против отца».

Плутарх рассказывает об одной из последних ссор царственных отца и сына.

Будучи в преклонном возрасте Филипп безумно влюбился в юную девушку Клеопатру; и коль она была знатного происхождения, царю пришлось жениться. В числе приглашенных на свадьбе был и Александр.

«Аттал, дядя невесты, опьянев во время пиршества, стал призывать македонян молить богов, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился законный наследник престола. Взбешенный этим Александр вскричал: «Так что же, негодяй, я по-твоему незаконнорожденный, что ли?» — и швырнул в Аттала чашу. Филипп бросился на сына, обнажив меч, но по счастью для обоих гнев и вино сделали свое дело: царь споткнулся и упал. Александр, издеваясь над отцом, сказал: «Смотрите люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию, растянулся, переправляясь от ложа к ложу». После этой пьяной ссоры Александр забрал Олимпиаду и, устроив ее жить в Эпире, сам поселился в Иллирии».

Следующее свадебное торжество стало для македонского царя последним событием в этой жизни. На этот раз Филипп выдавал свою дочь Клеопатру за Александра — царя Эпира.

Свадьба праздновалась с невероятной пышностью, и не было недостатка в великолепных зрелищах. Большой любитель развлечений — Филипп — охотно их посещал; причем, появлялся без телохранителей, в сопровождении двух Александров — зятя и сына. «Воспользовавшись этим, молодой человек из македонской знати, по имени Павсаний, ни в ком не возбуждавший подозрений, стал в узком проходе и заколол Филиппа, когда тот шел мимо него; так день веселья превратился в день погребальных рыданий; Павсаний этот еще в ранней юности подвергся насилию со стороны Аттала, причем тот и без того позорный поступок сделал еще более гнусным: приведя Павсания на пир и напоив его допьяна неразбавленным вином, Аттал сделал его жертвой не только своей похоти, но предоставил его и остальным своим сотрапезникам, словно Павсаний был продажным распутником, так что Павсаний стал посмешищем в глазах своих сверстников. Тяжко оскорбленный, Павсаний несколько раз обращался с жало-

бами к Филиппу. Павсанию отводили глаза ложными обещаниями, да еще и подшучивали над ним, а врагу его дали почетную должность военачальника; поэтому он обратил свой гнев против Филиппа и, не будучи в состоянии отомстить обидчику, отомстил несправедливому судье.

Думали также, что Павсаний был подослан Олимпиадой, матерью Александра, да и сам Александр не был, по-видимому, не осведомлен о том, что замышляется убийство его отца, ибо Олимпиада не менее страдала от того, что ее отвергли и предпочли ей Клеопатру, чем Павсаний – от своего позора» (Юстин).

О причастности Александра к смерти отца говорит и Плутарх. Увы! Заводить много детей царям опасно. Тем не менее, по словам Плутарха, Александр разыскал и наказал участников заговора против отца; хотя непонятно о каких заговорщиках шла речь, если древние авторы представляют убийство Филиппа мстью обиженного Павсания. Впрочем, виновные всегда найдутся, особенно, если следствие ведет царь.

«Филипп умер сорока семи лет, процарствовав двадцать пять лет. От танцовщицы из Ларисы у него был сын Арридей, царствовавший после Александра. Было у него и еще много сыновей от разных браков, в которые он, как было в обычае у царей, вступал не раз; некоторые из этих сыновей умерли естественной, другие — насильственной смертью, — и в заключение Юстин рисует личностный портрет Филиппа. — Царь этот больше любил оружие, чем пиры, и самые огромные богатства были для него только средствами для войны; он более заботился о приобретении богатств, чем об их сохранении, поэтому, постоянно занимаясь грабежом, он постоянно нуждался.

К милосердию и к вероломству он был одинаково склонен. Любой прием, который вел к победе, не был постыдным в его глазах. В беседах был и льстив, и коварен, на словах обещал больше, чем выполнял. Мастер и на серьезные дела, и на шутки. Друзей ценил по выгоде, а не по достоинству. Ненавидя, притворяться милостивым, сеять ненависть между двумя друзьями и при этом ладить с обоими вошло у него в привычку. Как оратор он был красноречив, изобретателен и остроумен; изощренность его речи сочеталась с легкостью, и сама эта легкость была изощренной».

Филипп не был лишен пороков и человеческих слабостей, но это был человек огромной воли, и в делах государственных властвовал его разум, а не чувства. Весьма ярко характеризует Филиппа один эпизод из его походной жизни, переданный Юстином:

Дело было во время осады города Матоны. Филипп шел на штурм впереди своего войска, и вдруг стрела, пущенная со стены, пронзила ему правый глаз. «От этой раны он не стал ни менее воинственным, ни более суровым по отношению к своим врагам; так что, когда он спустя некоторое время по просьбе врагов заключил с ними мир, он показал себя по отношению к побежденным не только умеренным, но даже милосердным».

Что ж, некоторые черты характера и поступки Филиппа довольно отвратительно, но только с помощью их Филипп смог вытащить Македонию из небытия и передать Александру в виде набирающей обороты мировой державы.

Столь же интересна сравнительная характеристика Филиппа и Александра в изложении Юстина: «Филиппу наследовал сын его Александр, который и доблестями, и пороками превзошел отца. Способы у того и другого побеждать были различны: Александр вел войны открыто, Филипп пользовался военными хитростями. Филипп радовался, если ему удавалось обмануть врагов, Александр — если ему удавалось разбить их в открытом бою. Филипп был более благороден, Александр — великодушен. Отец умел скрывать гнев, а часто даже подавлять его; если же вспыхивал гневом Александр, то он мстил немедленно, не зная никакой меры в отмщении».

И тот и другой слишком любили вино, но в опьянении их пороки проявлялись по-разному. У отца было в обыкновении прямо с пира бросаться на врага, схватываться с ним, безрассудно подвергаться опасности; Александр же в опьянении свирепствовал не против врагов, но против своих приближенных. Поэтому Филипп часто покидал бой, получив раны сам, а Александр нередко покидал пир, убив друга.

Филипп меж друзей не хотел держаться по-царски, Александр же и с друзьями хотел быть царем. Отец хотел, чтоб его любили, сын — чтобы его боялись. Интерес к наукам был одинаков у обоих. У отца было больше изворотливости, у сына — прямоты. Филипп более умел сдерживаться в словах и речах, сын — в поступках. Сын охотнее шадил врагов и был благороднее душой. Отец был склонен к умеренности, сын — к роскоши. Благодаря этим своим чертам характера отец заложил основы мирового господства, а завершил это многославное дело сын».

Впрочем, когда мы более подробно познакомимся с деяниями Александра и его жизнью, в характеристику от Юстина придется внести некоторые коррективы.

2. Олимпиада и юные годы Александра

«Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!»
(Плутарх. Александр)

Как мы заметили выше, молосская принцесса в результате недальновидной политики эпирского царя стала женой Филиппа. Впрочем, Плутарх утверждает, Филипп познакомился с Олимпиадой, «когда он сам был еще отроком, а она девочкой, потерявшей своих родителей». Филипп, влюбившись в нее, просил согласия на брак у брата Олимпиады, Ариббы. В любом случае, брак этот не принес счастья Филиппу, ибо его новая жена безумно любила только одну вещь на свете — власть. Олимпиада пыталась отнять часть ее у Филиппа, но натолкнулась на полное непонимание. И тогда она решила воплотить свои мечты в жизнь через сына.

Рождение Александра сопровождалось многими таинственными знаменами, так что даже бесстрашный Филипп не знал, радоваться ли этому событию, и к жене стал относиться с опаской. Достаточно сказать, что в ночь рождения Александра безумец Герострат сжег одно из семи чудес света — храм Артемиды Эфесской.

«По этому поводу Гегесий из Магнесии произнес остроу, — читаем у Плутарха, — от которой веет таким холодом, что он мог бы заморозить пламя пожара, уничтожившего храм. «Нет ничего удивительного, сказал он, — в том, что храм Артемиды сгорел: ведь богиня была в это время занята, помогая Александру появиться на свет». (Артемиды была покровительницей рожениц.) Находившиеся в Эфесе маги считали несчастье, приключившееся с храмом, предвестием новых бед; они бегали по городу, били себя по лицу и кричали, что этот день породил горе и великое бедствие для Азии».

Что ж, маги не зря суетились, потрясения придут в Азию, когда станет взрослым малыш, родившийся в ночь гибели знаменитого храма.

Внешность Александра столь же необычна, как и любого другого человека, оказавшего немалое влияние на ход мировой истории, будь то Чингисхан или Луций Корнелий Сулла. Описание ее сохранилось у Плутарха:

«Как сообщают, Александр был очень светлым, и белизна его кожи переходила местами в красноту, особенно на груди и на лице. Кожа Александра очень приятно пахла, а изо рта и от всего тела исходило благоухание, которое передавалось его одежде... Причиной этого, возможно, была температура его тела, горячего и огненного, ибо, как думает Теофраст, благоухание возникает в результате воздействия теплоты на влагу. Поэтому больше всего благоуханий, и притом самых лучших, производят сухие и жаркие страны, ибо солнце удаляет с поверхности тел влагу, которая дает пищу гниению. Этой же теплотой тела, как кажется, порождалась у Александра и склонность к пьянству и вспыльчивость.

Еще в детские годы обнаружилась его воздержанность: будучи во всем остальном неистовым и безудержным, он был равнодушен к телесным радостям и предавался им весьма умеренно; честолюбие же Александра приводило к тому, что его образ мыслей был не по возрасту серьезным и возвышенным. Он любил не всякую славу и искал ее не где попало, как это делал Филипп, подобно софисту хваставшийся своим красноречием и увековечивший победы своих колесниц в Олимпии изображениями на монетах. Однажды, когда приближенные спросили Александра, отличавшегося быстротой ног, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: «Да, если моими соперниками будут цари!»

Мудрый Филипп великолепно понимал то, что будет вызывать споры, изумление, непонимание последующие две с лишним тысячи лет, а именно — характер сына. Ибо он и в будущем будет определять судьбоносные поступки Александра: и великие, и глупые, и кощунственно отвратительные, о которых сам Александр будет жалеть сотни раз. Однако сила, вырывающаяся изнутри его, беспощадно уничтожала тех, кто вставал на его пути, тех, кто не смог понять странностей его натуры. «Филипп видел, что Александр от природы упрям, а когда рассердится, то не уступает никакому насилию, но зато разумным словом его легко можно склонить к принятию правильного решения; поэтому отец старался больше убеждать, чем приказывать» (Плутарх).

Впрочем, даже Филипп не избежал яростных столкновений с собственным сыном; что было не удивительно, учитывая их родство и то, что оба не терпели над собой ничьей власти.

«Филипп не решался полностью доверить обучение и воспитание сына учителям музыки и других наук, входящих в круг общего образования, считая, что дело это чрезвычайно сложное...

Поэтому царь призвал Аристотеля, самого знаменитого и ученого из греческих философов, и за обучение расплатился с ним прекрасным и достойным способом: Филипп восстановил им же самым разрушенный город Стагиру, откуда Аристотель был родом, и возвратил туда бежавших или находившихся в рабстве граждан» (Плутарх).

И здесь проявился характер Александра; он желал, чтобы даже мысли гениального учителя принадлежали только ему. Когда Александр узнал, что Аристотель опубликовал некоторые свои книги, сделав свои философские изыскания общедоступными, то написал ему письмо следующего содержания: «Александр Аристотелю желает благополучия! Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, делаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах. Будь здоров».

Аристотель, прекрасно изучивший своего ученика, успокоил его честолюбие следующими словами: «... эти учения хотя и обнародованы, но вместе с тем как бы и не обнародованы. В самом деле, сочинение о природе было с самого начала предназначено для людей образованных и совсем не годится ни для преподавания, ни для самостоятельного изучения».

Плутарх утверждает, что и любовь к врачеванию Александру внушил Аристотель. Александр интересовался не столько отвлеченной стороной этой науки, сколько практической: он приходил на помощь заболевшим друзьям, назначая различные способы лечения и лечебный режим. Но больше чем кому либо, медицинские познания Александра пригодились ему самому. За не очень долгую жизнь его тело претерпело столько ударов и ран, сколько не получал и десяток поседевших в боях ветеранов.

Как Александр относился к мудрому учителю? «Александр СНАЧАЛА восхищался Аристотелем, — читаем у Плутарха, — и, по его собственным словам, любил учителя не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно». И все же философия великого грека со временем стала чуждой Александру. «Впоследствии царь стал относиться к Аристотелю с подозрительностью, Впрочем, не настолько большою, чтобы причинить ему какой-либо вред, но уже самое ослабление его любви и привязанности к философу было свидетельством отчуждения».

Удивляться здесь нечему: философией и любовью Александра станут меч и македонская фаланга.

И все же, самое большое влияние на сына оказала мать. Она не учила его искусству, философии и прочим наукам — она учила его: как стать и быть царем. В том, что Александр стал таким, каким мы его знаем; в том, что он не канул в безвестность как тысячи других царей

прочих народов, заслуга не философов и богов, а его матери — Олимпиады. Она научила сына любить власть и славу, бороться за них до последнего вздоха.

Совсем иного рода наставников, чем Филипп, определила сыну Олимпиада. Во главе многочисленных воспитателей стоял родственник царицы Леонид — «муж сурового нрава». «Дядькой же по положению и по званию» был Лисимах; «в этом человеке не было никакой утонченности» — так характеризует другого воспитателя Плутарх.

Команда Олимпиады растила неприхотливого воина-спартанца, жадного лишь к одной вещи на свете — славе.

В отличие от Аристотелевых, детские уроки Леонида Александр запомнил на всю жизнь. Впоследствии, покорив Персидскую державу, Александр раздавал новые владения направо и налево; царицей Карики он сделал Аду, потому что та напоминала ему мать Олимпиаду. «В знак любви Ада ежедневно посылала ему изысканные яства и печения, а потом отправила к нему своих самых искусных поваров и пекарей. Царь велел передать Аде, что он не нуждается ни в ком и ни в чем подобном, так как его воспитатель Леонид дал ему лучших поваров: для завтрака — ночной переход, а для обеда — скудный завтрак. «Мой воспитатель, — сказал он, — имел обыкновение обшаривать мою постель и одежду, разыскивая, не спрятала ли мне туда мать какого-нибудь лакомства или чего-нибудь сверх положенного» (Плутарх).

Александр было с кого брать пример. Властолюбие Олимпиады не знало границ; и даже находящуюся в опале у собственного мужа — враги боялись ее больше чем Филиппа. Когда в руки афинян попали гонцы Филиппа, они прочли все послания «и только письма Олимпиады не вскрыли и нераспечатанными доставили противнику». Плутарх объясняет это человеколюбием афинян, но кто знаком с изощренной местью коварнейшей женщины, вряд ли прикоснулся бы к ее письму.

Положение царицы не дало возможность Олимпиаде утолить свою любовь к власти. Филиппу нужны были женщины только для постели, но не для трона. И Олимпиаде ничего не осталось, как только заниматься сыном и передать ему свою нерастрченную любовь. Она добилась, что сын, еще не совершив ничего значительного, требовал отношения к себе, как к богу. Это Олимпиада внушила ему, что он велик, и Александр искренне не понимал, почему люди этого не замечают.

В мальчике настолько рано проявилось непомерное честолюбие, что он не мог даже порадоваться за успехи отца: «Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевал какой-либо известный город или одержал славную победу, Александр мрачнел, слыша это, и говорил своим сверстникам: «Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего». Стремясь не к наслаждению и богатству, а к доблести и славе, Александр считал, что чем больше получит он от своего отца, тем меньше сможет сделать сам» (Плутарх).

Занятый военными походами и многочисленными любовницами, Филипп редко виделся с сыном. И тот при каждой встрече не переставал удивлять отца — невозмутимого Филиппа, который сумел сохранить полное равнодушие на лице после победы над Грецией. Весьма примечателен случай с покупкой коня, который станет одной из самых больших привязанностей Александра в этом мире. Эту норовистую лошадь Александр будет любить больше всех женщин на свете; в честь ее будет основан город Букефалия:

«Фессалиец Филоник привел Филиппу Букефала, предлагая продать его за тринадцать талантов, и, чтобы испытать коня, его вывели на поле. Букефал оказался диким и неукротимым; никто из свиты Филиппа не мог заставить его слушаться своего голоса, никому не позволял он сесть на себя верхом и всякий раз взвизгивал на дыбы. Филипп рассердился и приказал увести Букефала, считая, что объездить его невозможно. Тогда присутствовавший при этом Александр сказал:

—Какого коня теряют эти люди только потому, что по собственной трусости и неловкости не могут укротить его.

Филипп сперва промолчал, но когда Александр несколько раз с огорчением повторил эти слова, царь сказал:

—Ты упрекаешь старших, будто больше их смыслишь или лучше умеешь обращаться с конем.

—С этим, по крайней мере, я справляюсь лучше, чем кто-либо другой, — ответил Александр.

— А если не справишься, какое наказание понесешь ты за свою дерзость? — спросил Филипп.

—Клянусь Зевсом,— сказал Александр,— я заплачу то, что стоит конь!

Поднялся смех, а затем отец с сыном побились об заклад на сумму, равную цене коня. Александр сразу подбежал к лошади, схватил ее за узду и повернул мордой к солнцу: по-видимому, он заметил, что конь пугается, видя впереди себя колеблющуюся тень. Некоторое время Александр пробежал рядом с конем, поглаживая его рукой. Убедившись, что Букефал успокоился и дышит полной грудью, Александр сбросил с себя плащ и легким прыжком вскочил на коня. Сначала, слегка натянув поводья, он сдерживал Букефала, не нанося ему ударов и не дергая за узду. Когда же Александр увидел, что норы коня не грозят больше никакой бедой и что Букефал рвется вперед, он дал ему волю и даже стал понукать его громкими восклицаниями и ударами ноги. Филипп и его свита молчали, объятые тревогой, но когда Александр, по всем правилам повернув коня, возвратился к ним, гордый и ликующий, все разразилось громкими криками. Отец, как говорят, даже прослезился от радости, поцеловал сошедшего с коня Александра и сказал:

«Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!» (Плутарх).

Филипп, несмотря на размолвки, любил сына, «так что даже радовался, когда македоняне называли Александра своим царем, а Филиппа полководцем». Дальновидный политик упрямо не хотел замечать, что становится помехой на пути сына; и жестоко поплатился за это. Все чаще Александр разрушает планы отца и ведет свою игру, несомненно, не без помощи матери. Олимпиада упорно вела сына к власти, не упуская ни малейшей мелочи, которая могла помочь либо помешать в достижении желанной цели.

Угрозу своим планам Олимпиада почувствовала, когда сатрап Карики, стремясь заключить союз с Филиппом, предложил свою дочь в жены его сыну Арридею. «Друзья и мать Александра стали клеветать на его отца, будто Филипп блестящей женитьбой и сильными связями хочет обеспечить Арридею царскую власть» (Плутарх). Обеспокоенный Александр ради власти был готов на все. Он послал к правителю Карики своего гонца и предложил «отвергнуть незаконнорожденного и к тому же слабоумного Арридея, а вместо этого породниться с Александром». Новый претендент в зятя сатрапу Карики понравился гораздо больше, но взбешенный Филипп прекратил всю эту свадебную возню.

Олимпиада строго ограждала трон Македонии от возможных конкурентов и берегла его для Александра. Вот только количество конкурентов росло с каждым годом: родила сына и последняя жена Филиппа — Клеопатра — та самая, на свадьбе с которой у Филиппа с сыном произошла серьезная размолвка. Для Александра перспектива занять македонский трон становится все более неопределенной, с каждым прожитым годом желанная корона не только не приближалась, наоборот, становилась призрачнее. Выход был только один: избавиться от того, кто неутомимо производит наследников, не думая о последствиях. И Филипп, полный сил и энергии, погибает от кинжала убийцы.

Эта женщина умела мстить; смерти Филиппа, когда-то ее отвергнувшего, Олимпиаде показалось мало. Когда Олимпиада узнала об убийстве мужа, то немедленно поспешила на похороны под предлогом исполнения последнего долга и в ту же ночь... «возложила на голову висевшего на кресте Павсания золотой венец». Как оказалось, это было лишь началом сведения счетов с мертвым Филиппом. «Спустя немного дней она сожгла снятый с креста труп убийцы над останками своего мужа и приказала насыпать холм на том же месте; она позаботилась и о том, чтобы ежегодно приносились умершему жертвы, согласно с верованиями народа» (Юстин). Таким образом, пришедшие поклониться праху Филиппа, невольно отдавали почести и его убийце. Наконец, она посвятила Аполлону меч, которым был заколот царь. По словам Юстина, все это она делала настолько открыто, как будто боялась, что преступление, совершенное ею, будет приписано не ей.

Плутарх сообщает, что слабоумие Арридея — соперника Александра — тоже дело рук Олимпиады: «Арридей, сын Филиппа от распутницы Филинны, был слабоумным из-за телесного недуга. Недуг этот не был врожденным и возник не сам собой: рассказывают, что, когда Арридей был ребенком, у него проявлялись добрые и благородные наклонности, но потом Олимпиада при помощи всяческих зелий довела его до того, что он лишился рассудка».

С неслыханной жестокостью Олимпиада расправилась с Клеопатрой, — той, что скрасила последние годы жизни Филиппа и родила ему сына. По свидетельству греческого историка Павсания, Олимпиада убила маленького сына Филиппа и Клеопатры, затем вместе с матерью приказала бросить в огромный медный котел, под которым был разложен огонь.

Даже Александр «очень возмущался тем, что Олимпиада в его отсутствие жестоко расправилась с Клеопатрой». И все же, царем он стал, и матери был благодарен всю оставшуюся жизнь.

3. Горе побежденным

*«Элины безжалостно истребляли элинов; родных убивали люди,
близкие им по крови; одинаковость языка не меняла чувств»
(Диодор Сицилийский. Историческая библиотека)*

После смерти коварного деятельного Филиппа ветер свободы вскружил головы его греческих подданных. Надеясь, что при молодом неопытном царе удастся вернуть то, что потеряли, один за другим начали восставать против македонского владычества свободолюбивые греческие полисы.

Филипп оставил Александру великолепную конницу, сильный флот, и главное, созданную им непобедимую македонскую фалангу: сплошную стену воинов, спаянных железной дисциплиной и состоявшую не из капризных наемников, а свободных пастухов и земледельцев. Важное наследие — македонская тактика боя, позволившая покорить практически все сопредельные территории, до которых дотянулся воинственный Филипп.

Идея завоевания Персидской державы тоже принадлежит Филиппу. Он же собрал для этой цели огромную силу. По словам Юстина, численность вспомогательных отрядов, которые обязана была поставить Греция, определялась в двести тысяч пехотинцев и пятнадцать тысяч всадников. «Сверх этого количества — македонское войско и отряды варваров из покоренных Македонией соседних племен». Собственно, поход начался незадолго до смерти Филиппа; в начале весны 336 г. «он послал вперед в Азию, подвластную персам, трех полководцев: Пармениона, Аминту и Атгала».

Как только Александр принял царскую власть, он отправился в Пелопоннес, созвал собрание элинов и обратился с просьбой вручить ему командование походом против персов. Такое право было предоставлено Филиппу, и Александр, едва успев оплакать отца, спешил получить в наследство не только его владения, но и намерения.

Право на воплощение грандиозных замыслов Филиппа Александру пришлось завоевывать не только красноречием, которым, кстати, он похвастаться не мог. Вместо желанной Азии Александр отправился во Фракию усмирять иллирийцев и трибалов. Сын Филиппа впервые предстает перед нами в образе царя-полководца.

Война была нелегкой, потому что велась в горах, прекрасно знакомых восставшим и умело использовавшим рельеф родной местности. Мятежники заняли горную вершину, затащили на нее телеги и приготовились сбросить их на фалангу Александра, когда та появится в ущелье.

Александр с огорчением убедился, что иного пути для его войска нет. «Он отдал гопплитам следующий приказ: когда телеги станут валиться на них, то пусть солдаты в тех местах, где дорога широка и можно разбить строй, разбегаются так, чтобы телеги падали в промежутки между людьми; если же раздвинуться нельзя, то пусть они падают на землю, прижавшись друг к другу и тесно сомкнув свои щиты: тогда телеги, несущиеся на них, вследствие быстрого движения, скорее всего, перепрыгнут через них и не причинят им вреда».

Так описывает Арриан бой с горными племенами. Весьма сомнительно, что щиты могли служить хорошей защитой от тяжелых телег и огромных валунов, сбрасываемых с гор, но Арриан утверждает, что телеги «прокатившись по щитам, ни одного человека не убили». Победа досталась Александру.

Затем он переправился через Истр и достиг земель независимых кельтов. От них прибыли послы с мирными предложениями.

Гордыня молодого македонского царя уже тогда шла впереди его. «Кельтов он еще спросил, чего в мире они больше всего боятся? Он надеялся, те скажут, что больше всего боятся они именно его. Ответ кельтов не соответствовал его надеждам. Жили они далеко от Александра, в местах непроходимых, видели, что ему не до них, и ответили, что боятся, как бы не упало на них небо. К Александру они отправили послов потому, что восхищаются им, но не из боязни или ради выгоды. Александр назвал их друзьями, заключил с ними союз и отослал обратно, заметив только, что кельты хвастуны» (Арриан).

Тем временем у Александра появились большие неприятности в Греции. Восстал влиятельнейший город Эллады — Фивы. Смелости мятежникам придали слухи, что молодой царь умер в Иллирии. Многие греческие города также собирались примкнуть к Фивам, если их смелое предприятие увенчается успехом.

Война с собственными подданными была чрезвычайно трудной и стоила Александру огромных жертв. Его полководец Пердикка во время штурма города «упал, пораженный стрелой. Его унесли в тяжелом состоянии в лагерь: поправился он с трудом». Фиванцы отбили штурм, при этом погиб начальник лучников, критянин Эврибот; и лишь когда Александр бросил на врагов плотную стену фаланги, ситуация изменилась в пользу македонян. При взятии города погибло более 500 македонян — гораздо больше, чем Александр будет терять в битвах с персами, которые принесут ему всемирную славу.

«Фиванцы, храня в душе любовь к свободе, настолько не дорожили жизнью, что при встрече с врагом схватывались с ним врукопашную, подставляя себя под удары, — описывает Диодор Сицилийский последние часы Фив. — По взятии города ни один фиванец не попросил македонцев пощадить ему жизнь и не припал трусливо к коленям победителей. Эта доблесть не вызвала, однако, никакого сострадания у врагов, и дня оказалось мало для их свирепой мести. По всему городу тащили детей и девушек, жалостно взывавших к матерям. Дома были ограблены, и все население города обращено в рабство. Из уцелевших фиванцев одни, израненные и почти терявшие сознание, схватывались с врагами и умирали вместе с ними; другие, опираясь на обломок копья, встречали бежавших на них и в этом последнем бою предпочитали свободу спасению. Множество людей было перебито, всюду по городу было полно трупов, и, однако, не нашлось никого, кто бы сжалился над судьбой обездоленных. Феспийцы, платейне, орхоменцы и прочие из эллинов, враждебно настроенные к фиванцам, пошли в поход вместе с царем и, ворвавшись в город, выместили свою вражду на несчастных. Много жестокого страдания было в городе. Эллины безжалостно истребляли эллинов; родных убивали люди, близкие им по крови; одинаковость языка не меняла чувств. Наконец всех застигла ночь, дома были разграблены; дети, женщины и старики, укрывшиеся в святилищах, жестоко выгнаны оттуда».

Взятие города, «первого тогда в Элладе по силе и воинской славе», Арриан объясняет «гневом божества за измену эллинам в Персидскую войну». Версия эта пришлась по душе Александру, и он сделал все, чтобы гнев божества был как можно более эффективным и запоминающимся. К несчастью для Фив, у них было много завистников и врагов. Фивы срыли до основания, всю землю, кроме священной, разделили между союзниками; детей, женщин и оставшихся в живых фиванцев продали в рабство.

Таким образом Александр удовлетворил измененные чувства некоторых греческих полисов и попутно решил еще одну проблему.

Ужасная судьба Фив избавила Александра от многих противников в Греции. «Когда остальные эллины узнали о беде фиванцев, то аркадяне, которые выступили уже чтобы помочь фиванцам, постановили казнить тех, кто поднял их на эту помощь. Элейцы вернули обратно своих изгнанников, так как они были друзьями Александру. Этолийские племена отправили —

каждое особо — посольства с мольбой о прощении: они, сообразуясь с известиями от фиванцев, тоже подняли восстание. Афиняне справляли великие мистерии, когда к ним прямо после сражения прибыли люди из Фив. В ужасе они бросили мистерии и стали свозить свой скарб из хуторов в город. Народное собрание, по предложению Демада, отправило к Александру посольство из 10 человек, которых выбрали из всех афинян, зная, что они особенно близки к Александру. Они должны были передать ему следующее: народ афинский поздравляет его с благополучным возвращением от иллирийцев и трибалов — поздравление несколько запоздало — и радуется, что наказал фиванцев за их восстание» (Арриан).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.